

Картограф умирающих богов

Изабелла Никитченко

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Изабелла Никитченко

Картограф умирающих богов

«Автор»

2026

Никитченко И.

Картограф умирающих богов / И. Никитченко — «Автор», 2026

Философское фэнтези о наблюдателе, которому придётся стать частью карты.

© Никитченко И., 2026

© Автор, 2026

Изабелла Никитченко

Картограф умирающих богов

Глава 1

Зоран понял, что с городом что-то не так, ещё до того, как вошел в него.

Компас в кармане дёрнулся. Он достал его и удивленно застыл, смотря на прибор в своих руках. Не было привычных плавных и уверенных движений стрелки. Она летала по циферблату, как пойманный в банку мотылек. Такого не было ни разу за семь лет.

Он закрыл компас, сунул обратно и пошёл дальше. За спиной вилась дорога — пыльная, разбитая телегами, с редкими растениями вдоль. Впереди лежал город.

Стены росли из земли, как зубы из дёсны. Высокие, тёмные, сложенные из камня, который когда-то был светлым, а теперь покрылся пятнами — мхом, и чем-то похожим на бурые пятна крови, чему Зоран не хотел давать название. Над воротами к которым подходила дорога, висел герб: черный круг, внутри — серебряное дерево с корнями, уходящими вниз.

У ворот стояла толпа, медленно вытекающая в город. Телеги, запряженные лошадьми, ослики, груженные товаром, люди с узлами, с клетками, в которых билась птица, путники налегке. Стражники в темных доспехах проверяли некоторых выборочно, лениво, будто сами не верили, что это имеет смысл.

Зоран встал в конец очереди и опустил руку в карман. Компас дёрнулся снова. Достав его, мужчина попробовал держать его не в стандартном положении горизонтально, а как бы вертикально, с удивлением заметив, что в этот раз стрелка замерла — и указала четко вниз. Под ноги.

Он посмотрел на землю. Обычная земля. Пыль, камешки, следы тех, кто прошел и проехал ранее.

— Впервые?

Зоран обернулся, пряча устройство в карман. Рядом стояла женщина лет шестидесяти, в тёмном плаще, с корзиной, прикрытой тряпкой. Седые волосы, собранные в узел, лицо, которое когда-то было красивым, а теперь покрылось паутиной морщин.

— Что впервые? — спросил он.

— Первый раз в Крове. — Она не спрашивала. — У вас лицо человека, который приехал не торговать.

Зоран убрал руку из кармана.

— Я картограф.

— Знаю, — сказала женщина. — У вас сумка с планшетом. И вы смотрите не на людей, а на стены. Картографы всегда так делают. — Она помолчала. — Меня зовут Мара.

Что-то в её голосе заставило Зорана насторожиться. Не имя. Имя было обычным. Что-то другое.

— Зоран, — представился он.

— Знаю, — повторила Мара.

Очередь двигалась медленно. Мара стояла рядом, как будто так и было задумано, и говорила тихо, не глядя на собеседника.

— Вы приехали, потому что слышали слухи. Бог, который не привязан к природе. Бог, который не умирает, как остальные. — Она усмехнулась. — Это неправда. Он умирает. Просто не так, как вы думаете.

— Откуда вы знаете, зачем я приехал?

— Потому что вы не первый. — Мара наконец посмотрела на него. Глаза у неё были бледные, почти прозрачные, и в них не было ни страха, ни надежды. Только усталость. — И, судя по вашему компасу, вы последний.

Зоран не спросил, откуда она знает про компас. Он просто вытащил его и показал. Стрелка всё ещё смотрела вниз, в землю, слабо дрожа.

— Он не работает, — сказал Зоран. — Впервые.

— Он работает, просто вы не понимаете, что он вам говорит. — Она кивнула на стрелку. — Он говорит, что бог под нами. Прямо сейчас. Внизу. Под воротами, под дорогой, под очередью, под нашими ногами. Он везде. Поэтому стрелка не может выбрать направление. Он не в одной точке. Он и есть город.

— Тогда почему она смотрит вниз?

— Потому что вы стоите на нём, — ответила Мара. — И он смотрит на вас.

Через ворота они прошли без вопросов. Стража даже не посмотрела на Зорана — только на Мару. Она кивнула им, и они кивнули в ответ. Так, будто она была здесь кем-то большим, чем старая женщина с корзиной.

Город обрушился на Зорана сразу, весь, без предупреждения.

Он был шумным. Не как рынок, не как порт, не как любой другой город, который Зоран видел раньше. Он был шумным изнутри — так, будто сам воздух вибрировал. Голоса людей, скрип колёс, лай собак, звон, крики, смех, плач — всё это сливалось в один гул, который не имел источника. Он просто был. Везде.

Зоран остановился. Прислушался. Гул не прекращался.

— Что это? — спросил он.

Это он, — сказала Мара. — Дышит.

Они шли по улицам, и Зоран смотрел. Он не мог иначе. Семь лет он ходил по городам и деревням, рисовал, записывал, наблюдал, но такого не видел ни разу.

Дома здесь были разными. Не по архитектуре — по состоянию. Один дом стоял крепкий, свежепокрашенный, с цветами на подоконниках. Соседний — с провалившейся крышей, с окнами, забитыми досками, с дверью, которая висела на одной петле. Дальше — ещё один, целый. Потом — сгоревший. Потом — снова целый.

Это не было разрухой. Это было что-то другое. Как будто город болел пятнами.

— Почему так? — Он покосился на свою новую знакомую, оторвавшись от созерцания этой странной картины...

— Он не может заботиться обо всех сразу, — сказала Мара. — Раньше мог. Теперь — нет. Он тянется к тем, кто его любит. Кто помнит о нём. Кто говорит с ним. Остальные... — она замолчала. — Остальные выпадают.

Зоран достал блокнот. Открыл на чистой странице. Начал рисовать — быстро, экономно, как учила мать. Линии, пропорции, расстояния. Он не знал, что именно ищет, но руки знали. Они всегда знали.

— Вы рисуете город, — сказала Мара.

— Я рисую то, что вижу.

— А вы видите его?

Зоран поднял глаза.

— Кого?

— Крова.

Он посмотрел на улицу. На людей. На дома. На небо, которое было серым, но не пасмурным — просто серым, без облаков, без солнца, без глубины.

— Нет. Пока нет.

Мара кивнула, будто ждала этого ответа.

— Хорошо, — сказала она. — Значит, вы ещё успеете.

Каждый в своих мыслях они пришли к маленькому дому в переулке, недалеко от городской стены. Дом был одним из целых. Крашенные ставни, чистое крыльцо, запах сушеной травы из-за двери. Сам не зная почему, Зоран вошел вслед за Марой. В помещении где они оказались — просто, но аккуратно. Стол, две скамьи, печь, полка с книгами. На стене — карта.

Зоран подошел ближе.

Это была карта Крова. Она была нарисована от руки, старая, края потерты, кое-где протертости, как будто ее сотни раз складывали. Молодой картограф изображал город по другому — улицы, дома. Перед ним же было что-то другое. Линии, похожие на реки, узлы и растекающиеся как задумано пятна.

— Что это? — уточнил Зоран.

— Его вены. Или то, что от них осталось.

Мара подошла и встала рядом. От неё пахло сухими травами и чем-то ещё — чем-то старым, тёплым, похожим на пыль в библиотеке.

— Он умирает, Зоран. Уже три года. Медленно. Сначала это было почти незаметно. Потом люди начали болеть. Потом — умирать. Потом он начал... — Она замолчала, подбирая слово. — Братъ.

— Братъ?

— Больше, чем нужно. Больше, чем может. Он не хочет. Он не понимает, что делает. Но он голоден. — Мара посмотрела на карту. — И с каждым днём все пустеет.

Зоран смотрел на линии. На пятна. На узлы.

— Почему вы не уйдёте? — спросил он.

— Потому что я его жрица, — сказала Мара как само собой разумеющееся. — Я служу ему шестьдесят лет. Я не могу уйти. — Она помолчала. — И не хочу. Я должна ждать того, кто сможет его остановить.

— Остановить — в смысле вы хотите убить бога?

Мара подняла на него глаза. Сложно было понять, что в них, но в одном не было сомнения. Усталость. Такая глубокая, что она казалась спокойствием.

— Не я. Он сам этого хочет.

...

Мара категорически отказалась отпускать молодого мужчину в таверну, где он изначально планировал остановиться. Начала хлопотать вокруг печи, стучать небольшими горшочками с прекрасным ароматом. Зоран сравнивал свою карту, над которой начал работать днем, и висящую на стене.

- Не торопись - пока не убегает, - сказала жрица, ставя на стол перед ним глиняную миску с дымящейся кашой и кусочками мяса.

Желудок картографа предательски заурчал, подтверждая, что это первая его еда за сегодняшний день, но мужчина ждал, пока Мара тоже присоединится к трапезе. Ели они в тишине.

Закончив, старуха ушла в другую комнату, вернувшись вскоре с ворохом каких то шкур и темным шерстяным одеялом. Все это она разложила на одной из лавок.

- Спи, утро мудрее, - сказала она тихо и снова скрылась в комнате.

Вопреки ее словам, ночью Зоран не спал. Он лежал на скамье, укрытый тяжелым одеялом, и слушал город. Гул не прекращался. Он был тише, чем днём, но глубже. Как дыхание.

Компас он поставил на столе, оперев на вазу с полевыми цветами. Стрелка больше не дрожала. Она замерла. Но смотрела вверх, в потолок.

Зоран сел, смотря на нее.

- Ты здесь? - спросил он шепотом.

Ответа не было.

Он взял блокнот, открыл. Посмотрел на нарисованное днём — линии, пропорции, дома. Всё правильно. Всё точно. Но что-то не то.

Он закрыл блокнот, положил рядом с компасом, и лег обратно.

И тогда он почувствовал.

Не голос. Не слова. Что-то другое. Ощущение — тёплое, тяжёлое, чужое — в глубине груди. Как будто кто-то положил руку ему на сердце. Не сжал. Просто поддержал.

Зоран замер. Ощущение исчезло через секунду.

Он лежал с открытыми глазами до утра. Всё это время компас на столе смотрел вверх, в потолок, где за досками и балками было только небо. И Зоран знал — всем телом, без сомнений, — что бог смотрит на него в ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.